

БИЗНЕС-СРЕДА

С. Ю. Янова

докт. экон. наук, профессор кафедры страхования и управления рисками Санкт-Петербургского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Со второй половины прошлого века в публикуемых работах проявилась беспрецедентная массовость использования понятий «экономика» и «финансы». С одной стороны, благодаря массмедиа у населения экономика стала прочно ассоциироваться с такими результирующими показателями экономического развития, как государственный бюджет, валовой продукт, валютные и фондовые котировки, доходы домохозяйств и прочие конечные характеристики распределения и перераспределения результатов общественного производства. С другой стороны, глобализация общественного развития, усложнение инфраструктуры человеческой цивилизации, победа денежных оценок государственных и личных доходов в качестве основного критерия уровня и качества жизни общества и человека привели к доминированию макроэкономических монетаристских подходов в формировании научных взглядов на теорию и методологию экономики, что, в свою очередь, обусловило их широкое распространение в государственном финансовом регулировании.

В настоящее время экономика нашей страны находится в весьма проблемном состоянии. Благоприятные прогнозы чередуются с пессимистическими, оживление производства быстро сменяется спадом во многих отраслях, реальный уровень жизни населения постепенно покидает достигнутые ранее позиции. Именно сегодня, когда государство ищет быстрые и надежные пути выхода из рецессии, необходимо по-новому проанализировать создавшееся положение и обсудить основные экономические отношения, которые являются предметом государственного регулирования. В статье рассматриваются актуальные вопросы, решение которых лежит в плоскости взаимодействия экономики, финансов и государства: факторы и ограничения экономического роста, взаимодействие экономических интересов, цели и направления макроэкономического регулирования, роль государства в управлении экономикой, в особенности в периоды экономических кризисов.

1. Особенности экономического роста в РФ

Российская экономика, рассматриваемая как система создания потребительных стоимостей и включенная в международные хозяйственные связи, благодаря выгодной для нее конъюнктуре, сложившейся в первые 14 лет XXI в. на сырьевых рынках, развивалась как своего рода бартерная система. Осуществлялся выгодный обмен сырья на иностранные товары, услуги, технологии и прочие необходимые производителям и населению продукты. Казалось бы, нет ничего плохого в получении выгод от участия в международном разделении труда. Такие преимущества используют все национальные экономики. Почему же отечественная

система при негативном изменении конъюнктуры, в отличие от других, оказалась в критическом положении? Ответ складывается из нескольких составляющих. Во-первых, не стоит его искать в динамике нефтегазовых цен, они формировали доходы сверх той нормы прибыли, которая складывается исходя из стандартных условий экономического роста. Во-вторых, национальная экономика могла бы использовать ценовые преимущества, если бы ее содержание и структура соответствовали правилам, которые действуют в свободной рыночной экономике. Однако отечественный вариант постсоветского развития до рынка не успел вырасти и в начале 2000-х гг. ускоренными темпами свернулся в отраслевые олигополии, центростремительно приближающиеся к монополиям в основных производственно-финансовых сферах. Соответственно, в-третьих, вместо широкого притока финансовых ресурсов во все секторы экономики наблюдалось накопление государственных резервов и сверхприбылей у ограниченного числа участников собственно нефтегазовой отрасли и обслуживающей их инфраструктуры, которые, как показывают данные о суммах налогов, резервов и доходов у предприятий — «отраслевых флагманов», в сравнении с притоком ресурсов, можно сказать, «амортизировались» по другим направлениям. И даже возврат части этих доходов в виде иностранных (офшорных) инвестиций или беспрецедентного роста уровня банковского кредитования бизнеса и населения не мог сравниться с их оттоком как из сферы прямого финансирования отечественного производства, так и из сферы потребления, которая могла бы быстро ускорить массовый платежеспособный спрос на отечественные товары и услуги и адекватный рост в других секторах экономики.

Беспрецедентно высокий рентный доход складывался не только за счет первоначально низких затрат по добыче сырья в 1990-е гг., в особенности трудозатрат и затрат на технологическое обновление, но и, преимущественно в 2000-е гг., за счет высоких мировых цен, обусловленных прежде всего политическими причинами, основными из которых выступили либерализация экономики Китая и наращивание его производственных мощностей, а также чрезмерное вмешательство США в регулирование арабских конфликтов неэкономическими методами военного, санкционного и иного политического давления. Могли ли нефтегазовый сектор, металлургия, нефтехимия и другие стратегические отрасли стать негосударственными и неолигархическими? Могли, и, скорее всего, такой период им еще предстоит пройти, если в России будет развиваться рыночная экономика. Сменяемость на определенных исторических этапах формы собственности предприятий, обеспечивающих извлечение внеэкономической ренты, характерна для всех государств. И хотя смена частной собственности на общественную и наоборот является политическим решением, его принятие подготавливается сугубо экономическими процессами формирования стоимости, цены и размера ренты. Если отечественный нефтегазовый сектор и далее будет «девальвировать» такими быстрыми темпами, то приток дополнительного частного капитала, способного качественно изменить его финансово-производственную организацию или просто заменить иными формами производства энергетических ресурсов — уже вопрос ближайшего будущего.

Вывод: отсутствие свободной рыночной конкуренции в государственно регулируемых отраслях, которые в силу сложившейся международной конъюнктуры могли бы выступить дополнительными драйверами ускоренного экономического роста, превратило их в эпицентр формирования концентрированной государственно-олигархической модели присвоения природной ренты.

2. Рыночная экономика: консенсус интересов и ответственности

С первым вопросом логично связан второй: последствием нефтегазовой концентрации стали колоссальные структурные диспропорции в национальной экономике. Статистические данные показывают, что при росте ВВП с 2005 по 2010 г. на 304,7% рост других макроэкономических показателей составил: 1) оплаты труда — 362%; 2) выпуска товаров и услуг в основных ценах (ВТиУ) в здравоохранении и предоставлении социальных услуг — 354%; 3) ВТиУ в образовании — 328%; 4) ВТиУ в обрабатывающей промышленности — 284%; 5) ВТиУ в сельском хозяйстве — 270%; 6) валовой прибыли в экономике — 247% (Российский статистический ежегодник, 2011, с. 164, 307, 312–314). Данные индикаторы, приведенные по мере убывания значений, демонстрируют устойчивую тенденцию значительного опережающего роста затрат над выпуском товаров и услуг в основных отраслях, призванных обеспечивать внутренние потребности экономики и в конечном итоге населения. Не случайно в последние годы возник термин «проедания» экономики, что для нашей страны означает гораздо большее. Если бы увеличение затрат покрывалось созданием рынка внутренних товаров, то мы имели бы один из лучших практических образцов кейнсианской теории формирования предложения товаров в ответ на создание масштабного платежеспособного спроса. Однако покрытие быстро возникшего и колоссально растущего благодаря мировым нефтегазовым ценам 2000-х гг. спроса так же быстро перетекло на мировой рынок. Товары и услуги, создаваемые в рамках развитых рыночных экономик, предлагали инновационность и качество, а китайские изделия покоряли непревзойденно низкой себестоимостью.

Был ли этот процесс объективно предопределен? Конечно, нет. Совсем не обязательно каждому изобретать велосипед самостоятельно. Любые национальные экономики и их товаропроизводители используют, возмездно или даже безвозмездно, чужие научные, производственные, технологические, финансовые и прочие достижения. Но для этого нужен стимул, в современных условиях он все еще носит материальный характер и определяется нормой прибыли, которую можно получить от того или иного вида предпринимательской деятельности. За эту прибыль своим спросом голосует в первую очередь массовый потребитель. Затем она постепенно распространяется на все сектора экономики. Именно в данной точке и возникла причина, которая негативно повлияла на возможности развития собственной передовой рыночной экономики со всеми соответствующими атрибутами. Необходимо признать, что экономическими методами повлиять на механизм действия спроса и предложения возможно лишь в условиях чистого нерегулируемого рынка, что, конечно же, чревато как серьезными социальными последствиями, так и неравномерностью самого экономического роста, сопровождающегося кризисами и рецессиями. В долгосрочной ретроспективе рыночная экономика демонстрирует пока еще непревзойденный рост по всем позициям как на уровне стран, так и на уровне домохозяйств. Однако на небольших исторических промежутках наблюдаются и серьезные отступления, которые в последующем быстро покрываются ускоренным ростом. И если ранее ступени подготовки к росту были достаточно долгими, то по мере научно-технического прогресса и усиления социализации экономики они становятся все короче, и страны быстрее справляются с негативными экономическими тенденциями.

Основная причина, которая влияет на возможность получения соразмерной прибыли в различных отраслях экономики и позволяет создать комплексную жизнеспособную национальную экономическую систему, заключается в том,

насколько готово социально-политическое устройство общества принять эту систему, а подавляющее большинство его обособленных членов — существовать в новых условиях. Поэтому для России актуальным остается вопрос о том, сколько же в экономической политике должно быть экономики и сколько политики. Чистого свободного рынка в российской практике не было никогда, и вряд ли он возможен. Рыночная экономика представляет собой в первую очередь модель отношений основных экономических субъектов по поводу создания, обмена, распределения и перераспределения товаров и доходов, в основе которых лежат чистые материальные интересы достижения наибольшего индивидуального благосостояния наименьшими индивидуальными средствами.

Можно было бы предположить, что чем меньше в экономическом поведении политических или более широко понимаемых социальных мотивов, тем такая модель ближе к рациональному рынку. Однако это верно только отчасти. Возьмем, например, одни из наиболее развитых и при этом весьма отличные друг от друга национальные экономические системы США и Германии. Если рассматривать в качестве результирующего экономического показателя уровень дохода на душу населения, то экономика США ближе всех других к стандартам чистого рынка — как по размеру индивидуальных доходов, так и по степени их дифференциации (коэффициенты Джини и Лоренца самые высокие среди развитых стран). В Германии при схожем уровне доходов их дифференциация гораздо ниже и соответствует стандартам социально регулируемого европейского рынка¹. Кроме того, экономическая система Германии «эгоцентрична», т. е. тяготеет к национальному и европейскому рынкам. В экономике США доминирует глобализационный характер. Социальная защита граждан в Германии носит масштабный патерналистский характер. В США обязательные виды социальной помощи ограничены, экономически активное население несет бремя ответственности за социальные риски почти самостоятельно и вынуждено договариваться с работодателями. В экономическом развитии США и Германии много и других принципиальных различий, однако в обеих странах достигнуты самые высокие и стабильные показатели уровня жизни населения. Несомненным общим фактором экономического роста в обеих странах являются высокие предпринимательские доходы, получаемые в условиях жесткой свободной конкуренции и инновационных производственных и финансовых решений.

В России сложилась такая экономическая ситуация, при которой высокая концентрация монопольно извлекаемых предпринимательских доходов (в основном природной ренты) породила концентрированные высокие доходы небольшой части населения (коэффициент Джини в РФ такой же, как в США), что, в свою очередь, повлияло на социальное расслоение и сформировало специфический полярный спрос на товары и услуги. Богатым слоям населения нужны были высококачественные инновационные предметы потребления, бедным — дешевые изделия широкого потребления. Ни того, ни другого спектра товаров в России не было в необходимом количестве. Наличие полярного спроса затрудняло формирование адекватного предложения. Однако к чести отечественного бизнеса следует сказать, что с середины 1990-х до середины 2000-х гг. он выстраивал систему адекватного предложения, начиная, естественно, с торговли, где обычно и формируется первоначальная высокая маржинальность. Довольно быстро рассредоточив более или менее равномерно прибыль в торговле, капитал стал перетекать в производство товаров и услуг группы Б (для потребления населения).

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/список_стран_по_показателям_неравенства_доходов.

К сожалению, к производству товаров группы А бизнес не успел приступить, хотя предпосылки к тому уже появились. Почему не успел? Именно к этому периоду более или менее свободное движение капитала стало практически невозможно. Даже несмотря на изменение в 2004 г. статистической методологии расчетов в части видов экономической деятельности, обращает на себя внимание тот факт, что за период с 1995 по 2003 г. число предприятий с частной формой собственности выросло с 1216 до 2957, т. е. в 2,5 раза. За такой же период с 2005 по 2013 г. их число увеличилось только на 8,4%¹. При этом серьезное снижение числа частных предприятий наблюдалось с 2005 по 2013 г. по таким важным направлениям, как:

- сельское хозяйство — на 46%;
- обрабатывающие производства (в целом) — на 10,7%;
- производство пищевых продуктов — на 22,9%;
- текстильное и швейное производство — на 31,8%;
- производство кожаных изделий — на 54%;
- научные исследования и разработки — на 42,5%.

Рост числа частных предприятий происходил в добыче полезных ископаемых, строительстве, государственном управлении и обеспечении военной безопасности и некоторых других. Интересно, что в наибольшей степени число частных предприятий выросло в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (в 2,3 раза), что было связано с принудительной децентрализацией РАО ЕЭС и имело мало отношения к развитию свободного предпринимательства, зато способствовало перераспределению маржинальности в отрасли в целом. Можно было бы возразить, что в середине 2000-х гг. начался рациональный процесс концентрации бизнеса, поскольку в предшествующее десятилетие было создано чрезмерное число предприятий, которые не смогли организовать конкурентную работу. В какой-то мере этот процесс шел, однако не он стал преобладающим. Две основные тенденции сопровождали структурное перерождение отечественной экономики:

1) огосударствление, осуществляемое преимущественно за счет создания государственных корпораций в основных отраслях производства или за счет предоставления организационно-финансовых преференций предприятиям с государственным участием. Данный процесс привел к тому, что к 2016 г. почти 70% ВВП создавалось в условно «государственном» секторе экономики². Вернулась ли страна в социалистическую экономику, из которой уходила в начале 1990-х или был создан новый образец государственного капитализма, пока говорить преждевременно. Если бы не начавшийся кризис, можно было бы предположить, что мы наблюдаем формирование государственно-олигархического капитализма, построенного за счет передачи государственной собственности и государственных ресурсов на тех или иных правах в распоряжение (ранее это называлась концессией) определенных групп частных лиц («бизнес-элиты» или государственных топ-менеджеров), отбор которых проводится обычно внеэкономическими методами. Такая система, по своей логике, должна быть более эффективна, чем существовавшая ранее «социалистическая» экономика, поскольку у концессионеров экономические интересы выражены гораздо определеннее, чем у менеджеров советского периода. Но все-таки концессионная экономика, при которой, к тому же, не закреплены экономические обязательства временных собственников и высок

¹ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/

² URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/infographics/264613> – Нефтяной ВВП: как государство наращивает долю в российской экономике.

уровень коррумпированности государственных чиновников, к настоящему времени не достигла и в будущем не сможет достичь той производительности и эффективности, которую показывают современные рыночные экономики, базирующиеся на принципах свободы предпринимательства, понимаемого не в последнюю очередь как обязательство полной экономической ответственности за частное право собственности.

Основное препятствие, которое не дает возможности продемонстрировать экономическое превосходство государственного бизнеса над частным, заключается, конечно же, в отношениях собственности. Экономические задачи и собственника, и наемного менеджера (при его правильной мотивации на финансовый результат) заключаются в максимизации дохода. Однако у частных предпринимателей есть еще более важная задача — сохранения и наращивания собственности. Для наемного менеджера такого ограничения не существует, в лучшем случае он действует по принципу «пришел — увидел — победил» любыми средствами и пошел дальше, в худшем — получил маржу с роста оборота, неэффективно потратив производственный и финансовый потенциал собственника. Для менеджера, естественно, самым удобным и благодарным собственником выступает государство, поскольку от имени государства принимают решения не собственники, а менеджеры;

2) не менее важной и более опасной тенденцией стало реальное сворачивание частного бизнеса в тех отраслях, которые формируют сильный независимый производственный и финансовый потенциал страны. Наша экономика так и не смогла встать на рельсы частной собственности, формирования независимого частного капитала, обеспечивающего свободное перераспределение доходов в соответствии с экономическими интересами производителей и потребителей. Давление государственного внеэкономического регулирования оказалось сильнее возможностей только появившихся и не набравших необходимого экономико-правового статуса новых частных хозяйственных единиц. Пройдя сложный и, может быть, несправедливый путь первоначального накопления капитала в 1990-х гг. (в общем-то история не демонстрировала еще справедливых форм накопления капитала), можно было бы перейти к его перераспределению под влиянием спроса, инноваций и нормы прибыли. Вопреки этому в 2000-е гг. начал закрепляться достигнутый status quo в соответствии с тем пониманием, которого придерживались органы государственной власти, получившие к тому же вотум доверия населения на прогосударственную экономическую политику.

Рыночная экономика, без сомнения, предполагает свободу экономического поведения своих субъектов: предприятий и домохозяйств. Экономическая свобода — это не только свобода возможностей создания своего дохода и выбора методов его получения, но и частная ответственность за свой выбор, за свои достижения и просчеты. Готовность людей выбирать и отвечать за свои экономические действия довольно ограничена, особенно в сложных условиях социально-политической неопределенности. На наш взгляд, резкая смена акцентов в экономическом развитии России с рыночных реформ в пользу государственного управления не только отразила происходивший процесс передела и закрепления собственности в пользу новых экономических субъектов внеэкономическими методами, но и совпала с нарастанием экономической усталости основной части населения от бремени ответственности за собственное благосостояние. Готовность принять хоть малую толику государственного патернализма в обмен на не освоенные и до конца не признанные экономические и гражданские свободы носила достаточно массовый характер. Конъюнктура нефтегазовых мировых цен только усилила

позитивные ожидания населения, и по мере роста зарплат и пенсий казалось, что путь выбран верный.

Вывод: в России в последние 10 лет происходит замена экономических принципов свободного рынка на государственно-капиталистические, содержательно схожие с системой государственных концессий. Отличие от реальных концессий в том, что отечественные осуществляются внеэкономически и без прозрачных финансовых обязательств перед обществом. Свобода экономического поведения хозяйствующих субъектов и населения обменивается на поддержание уровня жизни и бизнеса без необходимой для рационального экономического поведения степени индивидуальной ответственности.

3. Экономика и политика: вектор влияния

Дальнейшее направление развития отечественной экономической системы невозможно прогнозировать, не ответив на принципиальный вопрос всей экономической истории: экономика — это только экономика или экономическая политика? Научная мысль с древних времен находится в поиске первопричин существования и развития человеческого общества. Какие интересы движут историей: материальные, которые порождают социальные, или, наоборот, социальные выступают двигателем экономики? Не мудрствуя над метафизикой, в XX в. без особого сопротивления различных школ в научном обороте прочно утвердился термин «социально-экономическое» развитие. Таким образом, было закреплено общее мнение: независимо от первичности и социальные, и политические, и экономические интересы как общества в целом, так и отдельных его групп и индивидов в едином комплексе формируют предпосылки дальнейшего движения человеческой цивилизации. Ученые активно занялись насущными проблемами регулирования социального развития экономическими методами, а экономики — политическими. Увлечение созданием важных и интересных теорий, объясняющих современное положение дел (каждое десятилетие прошедшего века ознаменовано яркими научными концепциями), несколько отодвинуло на задний план сам факт того, что существуют объективные причины, законы, тенденции развития общества, которые несмотря на все субъективные решения корректируют ход как экономической, так и социально-политической истории.

Не разделяя ту точку зрения, что «политика есть концентрированное выражение экономики», но и не уповая на превалирующую роль личности в истории, хотелось бы установить логику взаимодействия материального и идеального применительно к экономическим отношениям и системам. Анализируя экономические процессы как на макро-, так и на микроуровне, принято рассматривать общество как совокупность индивидов с рациональным экономическим поведением. Несколько упрощая такой подход, следует предположить, что население, равно в статусе потребителей и производителей, будет принимать индивидуальные экономические решения, руководствуясь функциями максимизации доходов и минимизации расходов. Наверное, так бы и происходило, если бы люди были поставлены в ситуацию вынужденной необходимости принимать решения и им была предоставлена свобода выбора собственных решений. Естественно, что для разных групп населения порог активности будет различен в зависимости от личностных характеристик и от статуса группы. Любая экономическая система не может быть объективно абстрактной, поскольку она претворяется в жизнь и преломляется через человеческое сознание. Наша страна за последние 150 лет прошла несколько радикальных смен социально-экономических формаций (от

феодализма до военного коммунизма и других, причем не отделенных друг от друга и последовательных, а реализующихся вперемешку), соответственно, для отечественных экономических субъектов рациональное мышление сводилось скорее к поиску путей выживания и приспособления к столь изменчивым социально-экономическим условиям. Поэтому для России ответ очевиден: в нашей стране, как ни в какой другой из развитых мировых держав, экономика всегда являлась и является по сей день экономической политикой.

Из этого тезиса стоит исходить при анализе не только существующего положения вещей, но и ближайшего будущего. Экономика, имеющая сильное политическое давление, обладает рядом характеристик, которые существенно отклоняют течение экономических процессов от русла рационального экономического поведения. Эти отклонения могут оказывать как негативное, так и позитивное влияние на социально-экономическое развитие.

Негативные факторы. Во-первых, цель достижения максимальных доходов при минимальных расходах остается актуальной только на уровне личного труда и потребления. На уровне хозяйствующих субъектов она претерпевает определенную коррекцию, имеющую прямую зависимость от степени вовлеченности в систему государственных финансов. Чем ближе субъект к государственному бюджету, тем менее эффективно его поведение: он может либо получать монопольно высокие доходы, не уделяя необходимого внимания минимизации расходов, либо, наоборот, не увеличивая доходы, позволяет себе необоснованно и безответственно увеличивать расходы.

Во-вторых, наличие сильного политического лобби устраняет свободу экономической конкуренции рациональных интересов, что порождает неадекватную структуру экономики (яркий пример — превалирование производства средств производства над производством предметов народного потребления и услуг в экономике СССР).

В-третьих, выборочные меры государственной поддержки, оказываемые не по экономическим, а по политическим мотивам, приводят к необоснованному перераспределению собственности и доходов, главным следствием чего являются серьезные диспропорции в объемах и структуре инвестиций. Чем больше органами государственной власти принимается каких-либо решений, ограничивающих свободу перелива труда и капитала между отраслями экономики или оказывающих организационно-финансовую поддержку избранным хозяйствующим субъектам, тем больше нарушается баланс спроса и предложения, что ведет к падению ВВП и ухудшению структуры активов национальной экономики.

В-четвертых, абсолютный примат политических государственных решений над кажущимися стихийными по форме, но имеющими рациональную по сути тенденцию к равновесию экономическими отношениями порождает сильные колебания как спроса, так и предложения товаров, капиталов, труда. Не касаясь вопроса о необходимости главенства политико-экономической роли государства во время войн и иных катастроф, следует признать, что имеющиеся примеры ярко выраженных политических экономик как на постсоветском пространстве, так и в регионах развивающихся стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии демонстрируют общую тенденцию не только значительных по величине отклонений в экономическом росте (размах колебаний от средней динамики), но и более высокую частотность этих отклонений (ритм колебаний). Причем чаще всего сильное желание стран быстрее достигнуть показателей уровня жизни, сложившихся в развитых экономиках, подразумевает усиление вмешательства государства, проведение радикальных реформ, «подстегивание» экономики

внеэкономическими методами, что дает сначала быстрый положительный эффект, но так же быстро и возвращает, в лучшем случае, на более объективные позиции, соответствующие достигнутому в стране уровню производительности труда и уровню научно-технического и социального развития.

В-пятых, сильная роль государства в перераспределении доходов порождает в обществе социальное иждивенчество. Государственный патернализм по отношению к своим гражданам должен быть ограничен возможностями экономики выдерживать заданный уровень социальной нагрузки. В качестве примера следует напомнить модель «шведского социализма» 70–80-х гг. XX в., при которой был достигнут уровень жизни, намного опережающий другие страны. В тот период перераспределение доходов в Швеции было самым социальным в мире: доходы самой богатой квантили населения всего на 20–40% превышали доходы самой бедной квантили¹. Общеизвестно, что в 1990-е гг. этой стране пришлось провести существенные антисоциальные реформы, чтобы отстоять конкурентоспособность своей экономики в процессе начавшейся мировой экономической интеграции. Как цены, так и качество производимых товаров значительно уступали мировым аналогам, а по уровню жизни населения Швеция спустилась с первого места в конец мировой двадцатки. Организация адресной компактной социальной защиты для действительно нуждающихся формирует более широкий слой экономически активного населения и побуждает его быстрее и ответственнее включаться как в процесс создания ВВП, так и в процессы его распределения и перераспределения, формируя не только рациональное экономическое поведение, но и адекватную гражданско-политическую позицию.

Позитивные факторы. Сильное политическое влияние государства на экономическую систему может быть эффективным по многим направлениям, если оно совпадает с текущим вектором движения экономических процессов. В любом случае, существуют общие подходы к политическому регулированию экономических интересов. Не сомневаясь в разумной необходимости фискальной, законодательной, правоохранительной и иной стабилизирующей государственной деятельности, в данном контексте отметим только роль и функции аппарата государственного управления, идеализируя государственную власть как систему организации общественных связей в интересах определенных групп экономических агентов.

Во-первых, государство поддерживает, формирует, закрепляет или реформирует основные правила и условия производства, обмена и распределения ВВП. И если курс государственного управления совпадает с потребностями тех экономических субъектов, которые фактически, в силу собственных интеллектуальных, организационных, финансовых и иных преимуществ, обеспечивают опережающий по сравнению с другими экономическими агентами производственный, а в сегодняшних реалиях — инновационный, рост, то макрорегулирование способствует общему социально-экономическому прогрессу, причем для всех общественных групп. Однако при этом идеи о коммунистическом равенстве или социалистической справедливости следует временно отложить до тех пор, когда каждый человек как личность и как экономический субъект не будет обладать потенциалом, адекватным условиям такого роста, и нести полную социально-экономическую ответственность за эффективность его реализации. На грядущем этапе «компьютерной» высокотехнологичной экономики можно надеяться, что отечественный человеческий капитал сможет внести достойный вклад в мировой научно-технический прогресс.

¹ URL: [http://ise.spb.ru/cgi-ise/site/nhome.pl about_galperin.txt](http://ise.spb.ru/cgi-ise/site/nhome.pl%20about_galperin.txt).

Во-вторых, в условиях существования национальных экономик разного уровня развития государство призвано быть, с одной стороны, защитником внутренних интересов своих экономических субъектов (патернализм), а с другой — проводником их внешних интересов (внешнеэкономическая экспансия). К сожалению, наше государство пока не обладает ни собственной методологией защиты или продвижения экономических интересов, ни успешными последовательными методами их реализации. Хотелось бы привести в качестве масштабного позитивного примера совместные европейские газопроводы, однако в свете последних санкционных решений и сворачивания уже начавшегося строительства новых южноевропейских потоков хорошо задуманные проекты уже не видятся столь эффективными, как на стадии проектирования. Масштабной заменой этих проектов может стать газопроводное строительство в партнерстве с Китаем. Но в любом случае данная форма внешнеэкономического сотрудничества не является инновационным финансовым инструментом или масштабным освоением рынков сбыта собственной технологической продукцией, использование которой требует постоянного последующего потока сопутствующих товаров, услуг, инфраструктуры.

Непростительно быстро Россия потеряла свое экономическое влияние на постсоветском пространстве. Первоочередной задачей должно стать укрепление реальных производственных и финансовых связей с ближайшими соседями, поскольку мы обладаем схожим потенциалом, аналогичными проблемами и общей социокультурной средой. Возможны позитивные сдвиги и в экономическом сотрудничестве с дружественными странами арабского мира. Наши технологии для них весьма конкурентоспособны с позиций «цена — качество».

В-третьих, обеспечение внутренних интересов избранных для экономического прорыва субъектов может происходить гораздо мобильнее и эффективнее, если государство будет вводить меры некоторого экономического принуждения для возможных потребителей товаров и услуг данной фокус-группы. Причем нужно иметь в виду, что государство должно не просто формировать платежеспособный спрос на уже готовую к производству и продаже продукцию, а обеспечивать предпосылки для появления актуального запроса у других экономических субъектов, населения, включая нерезидентов, на новые, только проектируемые товары и услуги, и даже целые отрасли или сектора экономики. Для государства с преобладающими тенденциями к экономической олигополии данная задача крайне затруднительна. В любом случае, могут применяться только меры стимулирующего характера; необходимо на время сузить масштаб запретительных и контролирующих функций.

В-четвертых, если государство осознанно ставит перед собой задачу поиска и создания новых «драйверов» экономического роста, то самым первым встает вопрос о том, кто будет генерировать эти новые процессы, кто сможет существовать в новых экономических, технологических и иных инновационных условиях. Да, мы можем составить себе амбициозную программу, но кто будет ее выполнять? Да, мы понимаем, что не стоит «бежать за паровозом» хотя бы и по рыночным рельсам, надо сразу «лететь на Марс», а может уже и это поздно, и пора осваивать другие галактики. Где же тот человеческий капитал, который наше государство сможет вложить в новую модель экономического роста? Может ли государство быстро подготовить соответствующие кадры и за счет каких управленческих решений? Однозначного ответа нет. Достаточно опыта из периода советской науки и экономики, чтобы понять: мобилизацией (в жестко принудительной и селективной форме) нескольких процентов населения можно достигать колоссальных прорывов во всех сферах человеческих знаний, можно воплотить единичные экземпляры

инновационных решений, причем на уровне выше мировых аналогов, но нельзя добиться, чтобы эти достижения стали востребованы обществом, пока они не обретут необходимые для широкого спроса содержание и форму и не станут эффективны в своем воспроизводстве. Из данного тезиса проистекает закономерный вывод: государство, конечно, должно обратить особое внимание на сферу науки и образования, но одного этого недостаточно. Столь же внимательно следует отнестись и к расширению способов проведения этих достижений в сферы производства и потребления. Инновационная экономика закономерно требует широких слоев инновационных производителей и потребителей. И следует признать, что опыт нашей страны демонстрирует полезность различных подходов: от принудительной ликвидации безграмотности в период советской индустриализации до полного невмешательства в период интенсивной компьютеризации, механизации быта и внедрения иных цифровых технологий в период 1990-х гг. Если государство сможет предугадать пути развития инноваций и направить свое регулирующее воздействие на создание соответствующего им научного, экономического и трудового потенциала, то процесс обновления экономики и ее роста пойдет быстрее (Аганбегян, 2013, с. 19). Если государственная политика не будет заниматься инновационным образованием населения и модернизацией экономики, то процесс все равно будет происходить, следуя возникающим потребностям нового уровня развития производительных сил и производственных отношений, но скорее всего не так быстро, чтобы обогнать в своем развитии передовые экономики мира. Главное, чтобы органы государственного управления не принимали неверные решения, которые тормозили бы объективные процессы обновления.

В-пятых, необходимо признать, что экономическая роль государства остается крайне важной при осуществлении защиты экономических субъектов и населения в целом при наступлении серьезных природных, техногенных и социальных рисков. Государство может организовывать компенсацию нанесенного ущерба различными методами, набор которых зависит от масштаба потенциальных неблагоприятных событий. Чаще всего используют государственные резервные фонды или страхование. В любом случае, стратегически важные для страны направления развития должны иметь необходимое рисковое покрытие, чтобы выбранные фокус-группы могли полностью сосредоточить силы на реализации собственных социально-экономических проектов. Следует ли государству компенсировать финансовые и предпринимательские риски для таких экономических агентов? Категорически нет, иначе будут нарушаться основные принципы рыночной экономики, обеспечивающие свободу экономического выбора.

Не вызывает сомнения тот факт, что экономика развивается качественными скачками, обусловленными появлением новых экономических субъектов, предлагающих более эффективные инновационные решения. Поэтому государственная экономическая политика, ориентированная на прежние интересы, может стать тормозом социально-экономического ускорения. Не менее опасна и другая крайность, когда государство принимает современные экономические решения, не учитывая, что экономические субъекты, население и организационно-правовая инфраструктура в целом не готовы к их адекватному восприятию. В этом случае перераспределение финансовых потоков приводит к совершенно противоположным от ожидаемых результатам. Как только намечаются признаки стагнации или нарушения экономического равновесия на рынках труда, товаров и капиталов, вмешательство государства должно минимизироваться, уступая место естественным рыночным регуляторам, в первую очередь свободе предпринимательства и конкуренции. Весьма разумным на достигнутом уровне

социально-экономического прогнозирования выходом является концепция «Вашингтонского консенсуса», трактуемая как политика усиления роли рыночных сил (Williamson, 1990; What Should the Bank Think About the Washington Consensus, 1999). К сожалению, эта концепция затем подверглась ревизии в «Консенсусе Пост Вашингтонского консенсуса», где для роста развивающихся экономик, как менее полноценных с точки зрения рыночных отношений, в качестве панацеи было предложено сильное государственное влияние (Stiglitz, 2004).

Вывод: наличие социально-политического регулирования оказывает сильное влияние на формирование рационального или иррационального экономического равновесия в отношениях производства, обмена и потребления. Если политические интересы государства (на сегодняшний день — в форме интересов аппарата государственной власти) совпадают с интересами основных экономических агентов, обеспечивающих ускоренное развитие национальной экономики в целом, то государственная экономическая политика может быть драйвером экономического роста. Однако это взаимодействие не носит перманентного характера и не включает прямую зависимость.

4. Государство и экономические кризисы

Сегодня самым актуальным вопросом в контексте взаимодействия экономики и политики становится проблема разработки методов государственного управления в периоды экономических кризисов. В целом поступательное развитие общества происходит неравномерно во времени: периоды роста, достигнув максимально возможных для данного этапа научно-технического и социокультурного уровня результатов, сменяются сначала стагнацией, а затем, чаще всего, рецессией. Если государство не меняет вектор своей макроэкономической политики, то экономика втягивается в кризис, который постепенно распространяется и на другие сферы жизни. Смена государственной политики отнюдь не означает быстрого нахождения иных, правильных для новой реальности экономических концепций. На сегодняшний день ни общественные, ни технические науки не предоставляют таких возможностей целевого прогнозирования, программирования или иного виртуального управления экономическими процессами. Анализ информации о кризисах XX в. не опровергает, но и не дает повода однозначно признать, что государственное вмешательство в виде реформ или макроэкономического регулирования было самым действенным методом выхода из кризисов, а самое главное, было ли оно результатом «априорного» управленческого решения или «апостериорного», при котором государственная политика стала только формальным проводником тех новых экономических драйверов, которые сами, в ходе объективного развития, появились в различных сегментах общественного производства. Не умаляя важности наиболее популярных кейнсианской или монетаристской теории, с позиции XXI в. представляется более вероятным, что предпосылки выхода из периодов рецессии и кризисов создавались в русле технического и социокультурного прогресса его новыми экономическими субъектами, а уже затем формировались адекватные государственные меры поддержки и развития новых тенденций.

Нетрудно заметить, что с ускорением и усложнением экономического развития число и вариативность кризисов возрастают чуть ли не в геометрической прогрессии. Пока о математической характеристике цикличности экономики судить рано за недостатком эмпирических данных, но общее ускорение очевидно. Складывается впечатление, что с накоплением материального богатства, углублением интернационализации и глобализации жизни кризисы и должны происходить чаще и разнообразнее. Уже определено, что кризисы бывают финансовые,

циклические, системные или структурные и т. д. У каждого кризиса есть свой субъективный повод, с которого он начинается: скачок нефтяных цен, перепроизводство каких-либо товаров, обвал на фондовых рынках, резкое падение валютного курса и проч. Однако суть кризисов заключается в том, что количественный экономический рост исчерпывает свой потенциал, и должны появиться новые социально-экономические потребности и адекватные им возможности перехода на качественно иной уровень развития.

Таким образом, экономические кризисы на данном этапе можно рассматривать в качестве необходимого атрибута экономического развития, в преодолении которых рождаются инновационные производственные, финансовые и человеческие ресурсы. Задача государства в этой ситуации заключается в том, чтобы не форсировать развитие экономики на прежних условиях, не добиваться всеобщей макроэкономической стабильности, а осуществлять политику сглаживания негативных последствий, в первую очередь социальных, и предоставить экономическим субъектам большую свободу выбора собственного поведения. Именно в критических условиях выживут и разовьются наиболее эффективные субъекты, которые и станут локомотивом следующего этапа экономического роста. Этот этап не обязательно станет наиболее успешным, но скорее всего, благодаря оживлению экономических отношений, постепенно начнут появляться уже действительно инновационные сектора и механизмы, которые обеспечат качественно новый уровень социально-экономической жизни. Можно предположить, что по мере развития общественного прогресса и накопления общественного богатства сменяемость фаз от роста до кризиса ускорится и станет происходить более комфортно: от роста к стабильности и снова к росту.

Вывод: экономические кризисы различной этимологии по мере ускорения общественного развития становятся не просто неотъемлемой частью хозяйственной жизни, но приобретают характер индикатора достижения максимально возможного результата в сложившейся системе и плацдарма инновационной перестройки экономики. В этих условиях роль государства приобретает двоякий характер. С одной стороны, оно не должно препятствовать отмиранию изживших себя структур и механизмов; с другой — обязано обеспечивать социально-экономическую защиту тех правовых, социальных и общих гуманистических основ, которые создают условия существования человеческой цивилизации. С этих позиций преимущественным направлением государственной политики в периоды кризиса должна стать социальная защита нетрудоспособного населения. Экономические агенты могут оставаться в более жестких условиях свободы выбора и ответственности.

5. Государственное регулирование

Государство осуществляет свои экономические функции через систему макроэкономического регулирования, представляющую собой определенный (сегодня уже можно говорить — стандартный) набор методов нормативно-правового, фискального и денежно-кредитного управления. В основном используются те рычаги, которые влияют на механизмы перераспределения ВВП. К методам государственного регулирования собственно экономики, понимаемой в первую очередь как системы создания товаров и услуг, относится больше правовое обеспечение. Остальные оказывают косвенное влияние, если имеются сами экономические агенты в достаточном количестве и качестве. Исключительным методом прямого сугубо экономического вмешательства можно считать государственную полную или частичную национализацию (денационализацию) экономических

субъектов. Создание собственных государственных корпораций или участие государства в капитале крупного частного бизнеса, причем в подавляющем числе случаев сопровождаемое монополизацией сферы предоставляемых ими товаров и услуг, порождает внутри рационального рыночного механизма иррациональные сегменты. Конечно, можно только приветствовать, когда органы государственной власти организуют или поддерживают нерентабельные, но социально значимые проекты. Нужно только учитывать, что: во-первых, государство не может выступать в роли эффективного предпринимателя, а во-вторых, размеры таких проектов не должны превалировать и нарушать равновесие в данных рыночных сегментах. В целом же государству лучше не участвовать в тех сферах, где уже сложились условия или имеются предпосылки того, что в ближайшей перспективе заработает рентабельный частный бизнес. И если наша страна увлеклась государственными схемами, то весь мир больше увлечен идеями денежно-кредитного или финансового регулирования, причем уже не только на национальном уровне, но и в глобальном масштабе.

Финансовое или, более конкретно, денежно-кредитное регулирование рассматривается экономистами в контексте обеспечения макроэкономической стабильности. В связи с этим возникают два вопроса: насколько необходима макроэкономическая стабильность экономическому росту и почему процесс создания потребительных стоимостей должен регулироваться преимущественно финансовыми методами, которые только обслуживают реальное движение товаров и капиталов и должны быть сосредоточены на процессах перераспределения создаваемой стоимости?

Ответ на первый вопрос неоднозначен и зависит от того, что именно понимать под макроэкономической стабильностью. Если динамическое состояние (а это следует из цели регулирования — роста ВВП), то применение термина «стабильность» очень условно и реально означает постоянную необходимую смену условий, экономических агентов и иных драйверов, что должно приводить к устойчивому экономическому росту. Если же государство будет добиваться устойчивости имеющихся в наличии экономических субъектов (хотя бы и выбранных по критериям эффективности и надежности) и равновесного взаимодействия между ними, то такое constant-регулирование логичнее считать регрессивным по отношению к экономической системе. В любом случае, добиваясь стабильности, мы исключаем возможность и необходимость быстрого и качественного обновления экономики, которая не оставит никаких надежд на сохранение позиций институтам, которые исчерпали свой позитивный ресурс. Смена экономических фаз и структур далеко не всегда происходит в позитивном русле, одни экономические субъекты теряют, другие приобретают, но в последующем выигрыш всего общества очевиден. Поэтому органы государственной власти, добиваясь стабильности здесь и сейчас, формируют тем самым ограничения для достижения нового роста и появления принципиально новых, не укладывающихся в рамки существующего регулирования процессов. Например, все развитые страны в XXI в. столкнулись с появлением «виртуальной» компьютерной экономики, которая в будущем сможет заменить многие процессы не только обмена и распределения, но даже производства, особенно в свете концепции «3D-экономики», на которую и возлагаются надежды инновационного роста. Предпринимаемые в нашей стране попытки регулировать эти отношения стандартными методами или уравнивать их с традиционными денежными операциями и требовать соблюдения всех правил, предписанных традиционным видам торговли, банковского и страхового обслуживания или предоставления других услуг, больше приводят к запретительному эффекту, чем

помогают их развитию. Однако новое качество информационно-компьютерной экономики все равно уверенно прокладывает дорогу в будущее, что определяется неуклонно растущим спросом на нее со стороны новых поколений, опережающим эффекты государственных мер как поддержки, так и противодействия.

Если первый вопрос связан в большей степени с определением целей и задач макроэкономического регулирования, то второй касается непосредственно его методологии и методики. В настоящее время стандартный набор регуляторных инструментов включает:

- денежно-кредитную политику, при которой регулирование осуществляется через индикаторы количества денег, уровень процентных ставок, валютные курсы, таргетирование инфляции, надзор за участниками финансовых рынков;
- фискальную политику, т. е. установление уровня общественно необходимых изъятий из экономики как на финансирование государственных и общественных нужд, так и с целью создания условий налогового благоприятствования или изымания внеэкономической ренты;
- бюджетную политику — определение объема и структуры общественно потребляемых товаров и услуг, расходов на содержание государственного аппарата;
- инвестиционную политику, т. е. перераспределение капитала исходя из устанавливаемых государственных или общественных интересов;
- внешнеэкономическую политику: протекционизм для национальных экономических агентов и внешнеэкономическая экспансия.

Список инструментов ранжирован по важности и распространенности в современной системе государственного макроэкономического регулирования. Роль инвестиционной и внешнеэкономической политики уже охарактеризована выше. Значение налоговой и бюджетной политики неоспоримо и может быть плодотворным в части дифференциации налогообложения или системы государственных закупок. Однако следует признать, что все они, и даже основная часть денежно-кредитной политики, являются политикой следствия, т. е. выражают через форму государственного управления реакцию общества (или его части в тоталитарных режимах) на произошедшие или происходящие экономические процессы. Например, чтобы использовать льготное налогообложение для стимулирования предложения или спроса на какие-либо товары и услуги, тем более инновационные, необходимо обеспечить свободу перехода капитала в новые маргинальные отрасли и свободу создания новых бизнес-структур. Бюджетная политика принесет эффект, только если бюджетные ассигнования и государственные заказы не должны будут прорываться через коррупцию и бюрократизм аппаратных работников. Следует признать, что те механизмы государственной экономической политики, которые подразумевают адресность, а не сплошное покрытие экономических субъектов, приносят наименьшую пользу обществу в целом, а нередко и прямой вред. Никакие свободные экономические зоны или государственное финансирование инновационно-технических проектов не принесли такого осязаемого эффекта для оздоровления отечественной экономики, как «публичные» (т. е. применимые для всех на одинаковых условиях и в обязательном порядке) меры по ликвидации прогрессивной шкалы НДС, снижению (хоть и временному) ставок платежей во внебюджетные фонды или применению облегченного порядка налогообложения малого бизнеса.

В последние десятилетия во всем мире основными регуляторами рыночной экономики со стороны государства стали все-таки не фискальные или бюджетные рычаги, а меры воздействия на параметры денежно-кредитной системы (Мау, Улюкаев, 2014). Насколько в данном случае совпадают интересы государства

и свободного экономического рынка, сказать довольно сложно. Если бы достигалась полная тождественность, то не было бы ни кризисов, ни рецессий, ни обвалов на фондовых и валютных рынках. Скорее всего вопрос сводится к тому, в чьих интересах осуществляется такое регулирование. Если в интересах населения, то страна получает социально ориентированную экономику, где темпы экономического роста будут ниже, чем потенциально возможные для данного уровня развития производственного, финансового и трудового потенциала страны. Однако такие государства будут вынуждены периодически пересматривать социальные установки, чтобы не отстать от экономического движения других стран, выбравших стратегию приоритета интересов экономических агентов и соответствующей им дифференциации в распределении ВВП. Аналогично страны с преобладанием свободного рынка должны будут корректировать свои социально-политические программы, чтобы соответствовать более высоким стандартам уровня и качества жизни.

С точки зрения рыночной экономики можно предположить, что установление ставок, таргетирование инфляции и включение печатного денежного станка стали вынужденными мерами по причине ускоренного перерождения «стоимостной» экономики в «финансовую». В данном случае подразумевается произошедшая в последнее время замена движения стоимости (потока товаров и услуг) движением различных финансовых потоков. С усложнением системы перераспределения ВВП, в которой оперирует система финансов, а главное, со все большим отрывом как реальных, так и превращенных форм денежных потоков от процессов создания и обмена потребительных стоимостей, прогнозировать и управлять макроэкономическими или финансовыми индикаторами становится не только бесполезно, но и вредно для реального сектора экономики. Органам государственного регулирования нужно сверять свою политику с «голосом рынка». Для этого требуется только лишь периодически, когда предпринятые регулирующие меры приносят обратный эффект, ослаблять государственное вмешательство, оценивать получаемый эффект «элиминирования» развития производства, обмена и распределения, и уже на основе познания нового вектора экономического развития, который складывается в среде свободных конкурирующих экономических агентов, предлагать новый план макроэкономического регулирования.

Для отечественной экономики ситуация усугубляется еще и тем, что современные методы государственного макроэкономического регулирования призваны стабилизировать системы свободной рыночной конкуренции. Если же государственный сектор предоставляет более половины ВВП, то имеет ли смысл регулировать оставшуюся часть бизнеса с помощью процентной ставки или таргетирования инфляции? Практика показывает, что в такой ситуации начинают превалировать другие, нерыночные взаимосвязи. Оставшийся частный бизнес, ориентируясь на самый объемный (или самый «благодарный») платежеспособный спрос, устремляется обслуживать государственный сектор со всеми вытекающими из этого последствиями: нарушением свободного ценообразования, зависимостью маржинальности от доступа к государственным финансам, неадекватным для потребностей населения перемещением капиталов и изменением отраслевой структуры. Соответственно, методы рыночного регулирования в нашем случае превращаются в методы управления государственными финансами, более того — в основном они нацелены на номинальное увеличение доходной части государственного бюджета. Нагрузка на экономических агентов такого ненужного им регулирования в последние годы выросла на порядок.

Вывод: современные подходы к макроэкономическому регулированию ориентированы на финансовое управление ключевыми экономическими индикаторами с целью стабильного поступательного общественного развития. Однако в моменты смены экономических направлений, сопровождающиеся системными кризисами, добиваться стабилизации существующего, противоречащего инновационному развитию состояния нерационально и может усугубить и продлить период рецессии и кризиса. С другой стороны, регулировать рыночными методами нерыночную экономику — занятие довольно бесполезное, единственным позитивным эффектом которого является нивелирование социально-экономической напряженности в периоды кризиса неплатежей, валютных скачков, гиперинфляции, что помогает устанавливать новый уровень денежной оценки основных элементов экономики. Монетарные методы дают возможность на какое-то время добиться некоторой стабилизации в сфере денежно-кредитных отношений, что не удивительно, поскольку именно деньги остаются мерой всех потребительных стоимостей, труда и капитала, государственного бюджета или доходов домохозяйств. Однако решить вопрос ускорения экономического роста они не в состоянии, поскольку без других политэкономических механизмов они не могут обеспечить свободу формирования и реализации интересов экономических субъектов.

Проведенный анализ сложившихся в отечественной социально-экономической системе взаимоотношений между государством и экономикой, или, в субъектном поле, между органами государственной власти и экономическими агентами, приводит к следующим основным выводам.

А. Российское государство проводит политику жесткого управления экономическими агентами посредством перевода рыночных субъектов либо в государственную собственность, либо на условия олигополии в основных секторах экономики, где используются общегосударственные ресурсы. Доля свободного рынка неуклонно сокращается. Данная стратегия сопровождается снижением как экономической активности, так и экономической ответственности и государственных, и прогосударственных (олигопольных), и независимых экономических субъектов. Отмеченные тенденции, хоть и вызваны разными причинами, приводят к одному результату — снижению темпов роста, а в период кризиса — к масштабной рецессии.

В. В этой ситуации государство предпринимает попытки методами финансового регулирования «оздоровить» экономику за счет еще более жесткого государственного управления экономическими процессами. Если продолжить такую политику, то страна построит очередную обновленную модель, в общем-то, государственной экономики, причем менее социально ориентированную, чем предыдущая, существовавшая в наиболее благоприятные годы советской власти.

С. Необходимо признать, что уровень экономического сознания (материальных интересов и материальной ответственности) основных субъектов как политики, так и экономики пока не соответствует уровню свободных экономических отношений рыночного типа. Несомненно, что наша страна обладает мощным социально-экономическим потенциалом. Однако переход из развивающейся экономики в развитую вряд ли возможен только за счет массивированного макроэкономического регулирования, недостаточность которого демонстрирует и опыт других развивающихся стран, также пытающихся быстро достичь уровня производительности и материальной обеспеченности развитых стран.

Д. Не вызывает сомнений, что в условиях инновационного ускорения динамики общественного развития поступательное движение всех национальных экономик ускорится. Однако государственное регулирование должно переместиться

в сферу организации такой социально-экономической системы, где целевыми станут индикаторы роста человеческого капитала, объема и качества производимых потребительных стоимостей, а соответственно и свободы рационального экономического поведения, что в сегодняшних условиях больше совпадает с обеспечением свободы предпринимательства, чем проведением огосударствления экономики. От государства требуется только дать возможность тем экономическим субъектам, которые готовы и которым интересно (материально и социально) строить инновационные экономические, технологические, производственные и иные процессы, заниматься этим в режиме максимально возможного государственного благоприятствования, т. е. наименьшего регуляторно-финансового вмешательства, наибольшей правовой поддержки и жесткого ограничения сферы государственного сектора и олигополий.

В любом случае, более эффективные экономические механизмы завоюют общественное пространство, однако в интересах государства как представителя своих граждан, чтобы это происходило быстрее и с наименьшими социальными издержками.

Источники

Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/201411271856>.

Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сборник. Росстат. М., 2011.

Stiglitz J. E. The Post Washington Consensus Consensus, 2004. URL: http://policydialogue.org/files/events/Stiglitz_Post_Washington_Consensus_Paper.pdf.

Williamson J. What Washington Means by Policy Reform. Chapter 2 // Latin American Adjustment: How Much Has Happened? / ed. by J. Williamson, Washington, [1999].

What Should the Bank Think About the Washington Consensus / Background Paper to the World Bank's World Development Report 2000. 1999. July.